

Татьяна Ланина

Чуковские: отец и сын

Татьяна Ланина. Кандидат филологических наук, историк театра, критик, сценарист. Автор программ о литературе и современном театре на телевидении и радио и нескольких книг. Писала о таких деятелях искусства, как Володин, Мейерхольд и другие. Печаталась в журналах «Вопросы литературы», «Театральная жизнь», «Аврора» и других; газетах «Смена», «Вечерний Ленинград», «Санкт-Петербургские ведомости» и других. Живет в Санкт-Петербурге.

Осенью 1906 года на опустевших после шумного нарядного лета, безлюдных дорогах финского поселка Куоккала, под Петербургом, появилась странная фигура. Высоченный, плотный человек шагал, легко преодолевая канавы, а руки его, тоже немалые, ритмично отмеривали встречное пространство. Этот молодой человек двадцати четырех лет приехал с женой и маленьким сыном в поисках недорогой дачки.

Петербуржцы, особенно художественная элита, писатели, художники, музыканты, давно облюбовали место на берегу Финского залива. Сложилось сообщество, свободное от городского распорядка, с дружескими отношениями и любимыми занятиями. Центром притяжения на многие годы стала дача художника Ильи Репина «Пенаты».

В Куоккале и своих чудачков хватало. Но приезжий вовсе не укладывался в обычные правила. Из дома выходит без шляпы — говорит, что в ней жарко, сапог не надевает, и жена его тоже босоногая... Местные дачники решили, что семейка демонстрирует свой стиль. О них еще долго шли пересуды.

Пройдут годы. Местные дачники познакомятся с петербургским литературным критиком Корнеем Ивановичем Чуковским, смирятся с его чудачествами и примут в свой круг. Репин даже уговорит его купить дачу наискосок от «Пенат», да еще ссудит недостающие деньги.

Куоккальская земля благоволит семье Чуковских. Подрастает старший сын Коля. Весной 1907 года родилась Лида, летом 1910 — младший сын Боба (Борис), через десять лет — младшая дочь Мура (Мария). У отца на

втором этаже дачи свой кабинет. Здесь, работая по двенадцать часов, он будет писать статьи в петербургские газеты, журналы, делать переводы с английского, готовиться к публичным лекциям. Все домашние знали: «отец работает», поэтому нельзя повышать голос, скрипеть дверями, — и ходили, как мышки.

В то же время Корней Иванович признавался: «Мне бы хотелось, когда я не работаю, чтобы каждую минуту открывалась дверь, и на пороге показывался новый человек».

Литературный Петербург не сразу принял чужака, который отменил в своих критических статьях «священнодействие», доказав, что о литературе можно писать «смешно, точно и темпераментно, не впадая в пафос проповедничества». Леонид Андреев связал стиль молодого критика с развязностью «одесских репортеров». Но он же со временем признает «острую наблюдательность, блеск и меткость языка, яркость сопоставлений, парадоксальность выводов, разрушающих привычный шаблон».

Откуда взялась приклеенная оппонентами метка «одесский стиль»?

Чуковский родился в 1882 году в Петербурге. Мать — Екатерина Осиповна Корнейчукова, украинская крестьянка, отец — петербургский студент Эммануил Соломонович Левенсон. Новорожденного назвали Николаем Васильевичем Корнейчуковым (отчество дал, скорее всего, священник). Брак не был зарегистрирован, в свидетельстве о рождении значилось «незаконнорожденный». Когда отец оставил семью, мать, лишившись средств для петербургской жизни, приняла решение переехать с двумя детьми в Одессу.

Переезд не стал простой переменной места жительства: для Коли Корнейчукова он был сопряжен с переживанием душевной драмы. В дневнике осталось сокровенное признание о пережитом: «Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность, — у меня даже имени не было: одни звали меня в письмах "Николаем Емельяновичем", другие "Николаем Эммануиловичем", третьи "Николаем... извините, не знаю, как Вас величать". Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным, непростым человеком на земле... [...] Помню, как клоунски я просил всех даже при первом знакомстве — уже усатый, — "зовите меня просто Колей! ", "а я Коля", и т. д. Это казалось шутовством, но это была боль... И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь — никогда не показывать людям себя — отсюда, отсюда пошло все остальное».

Ждало юношу еще одно испытание. По действующему с 1887 года указу министра просвещения Делянова о «кухаркиных детях» его исключили из седьмого класса гимназии. Колина мама, прачка, стиравшая по ночам чужое белье, не могла обеспечить «необходимые для занятий удобства»,

а также присутствие «кухарки и горничной». Книгочей, любитель латыни, первый ученик по грамотности оказался на улице. «Меня выгнали из гимназии, — рассказывал писатель, — я живу, как попало. То помогаю рыбакам чинить сети, наживлять переметы, то клею на перекрестках афиши о предстоящих гуляньях и фейерверках, то, обмотав мешковиной голые ноги, ползаю по крышам одесских домов, раскаленных безжалостным солнцем, и счищаю с этих крыш особым шпателем старую замерзшую краску, чтобы маляры могли покрасить их заново».

Он и в Куоккале не чурался мужской работы — колот дрова, топил печь, носил с детьми воду, легко справлялся с веслами и парусом на заливе, таскал на спине мешки с песком и корзины с камнями, чтобы защитить дачный участок от очередной высокой волны. Если же видел обшарпанный забор, хватался за кисть, Том Сойер ему бы позавидовал, и учил дочку Лиду, передавая ей кисть: «Держи ровно! Не капай! О-о-о, как я страшен в гнев!»

С детских лет одесские соседи пророчили Коле Корнейчукову, что без папаша из него может выйти только «босаявка» или «шантрапа». Он и сам чувствовал себя отщепенцем, но решил самостоятельно пройти гимназические предметы и сдать экзамены экстерном. Именно тогда был куплен самоучитель английского языка Оллендорфа, с него и началось постижение языка. Правда, в оксфордской речи 1962 года он признался: «Зубрил английские слова, лелея обычную мечту тогдашних неудачников — убежать куда-нибудь в Австралию». Убежать не удалось, как раньше лопнула затея «идти в Америку пешком». Английский язык пригодился в неожиданной ситуации. Юношу, увлеченного философией, сочинениями Дарвина, Плеханова, Достоевского, Шопенгауэра и Ницше, пробующего себя в поэзии и эссеистике, познакомил с редактором «Одесских новостей» и напечатали первую заметку. Под ней стояла подпись — Корней Чуковский. «Я понял, что фамилия эта Корнейчуков — мужицкая, хохлацкая. Я сделал себе Чуковского», — так объяснил он сам эту перемену.

Гонорар воодушевил начинающего автора, семь рублей ушли на покупку новых штанов. До этого ему платили три рубля за урок русского языка одесским неучам, которым он объяснял, какие бывают падежи, и удивлялся, зачем его ученикам придаточные предложения. Больше всех радовалась мама, говорила соседям: «Сын у меня, знаете, писатель!»

В 1903 году в его жизнь вмешался случай. В «Одесских новостях» искали журналиста, знающего английский язык, для работы специальным корреспондентом в Лондоне. Сказать, что Корней Чуковский владел языком, было бы преувеличением, но объяснить мог. Конкурентов в газете не нашлось, и он поехал в Англию.

Восемьдесят девять статей на самые животрепещущие темы — портре-

ты лондонских жителей и иммигрантов, судебные наблюдения, зарисовки митингов в Гайд-парке, о книгах «для отдыха, для досуга, для развлечения». Позже они войдут в его книгу «Нат Пинкертон и современная литература».

Открытием для молодого Чуковского стала библиотека Британского музея. Там он проводил дни напролет. «Прихожу в девять-десять, а ухожу после звонка», — писал он в Одессу. Читал Диккенса, Ренана, Теккерея, Браунинга, Суинберна, книги по философии и политэкономии. Библиотекари заметили, что молодой человек не обедает, а только читает и пишет. Они предложили ему составить каталог русских книг. Газета задерживала обещанное жалование, и лишний шиллинг в день помог спасти положение.

Осенью 1904 года он вернулся в Одессу. А через год принял решение переселиться с семьей (у него жена и годовалый сын) в родной Петербург. Начал с должности корректора в издательстве Сойкина. Пытался издавать сатирический журнал «Сигнал», но был обвинен в «потрясении основ государства» и попал в тюрьму на Шпалерной улице. Писателя выручил залог, внесенный женой Куприна. Съем квартиры оказался не по карману. Куоккала стала выходом из трудной житейской ситуации.

Корней Чуковский вернулся из Лондона просветителем. В Куоккале, неожиданно для него самого, заинтересованными слушателями оказались его собственные дети и их друзья. Еще в Одессе, когда он давал уроки русского языка, Чуковский норовил рассказать ученикам, как ловить тарантулов, как делать камышовые стрелы, как играть в пиратов и разбойников, а также о полетах Уточкина, о «Копях царя Соломона», о приключениях Шерлока Холмса. Он не забывал свое безотцовское детство, и сотворил собственную игровую педагогику. Выдумки его были неистощимы: кто выше прыгнет, кто дальше пройдет по забору, кто лучше играет в городки... Учил ребят грести в лодке, ходить на лыжах, играть в шахматы. То затеет перегонки, игру в снежки, или устроит кучу малу, а потом прыгает на одной ноге, хохочет и падает наземь... А то вдруг расскажет, как первый раз прочитал «Дон Кихота».

У самого в кабинете полки ломятся от книг: и иностранные, и русская классика. На виду — «Encyclopedia Britannica» и том Пушкина. Стихи сочиняет экспромтом и по любым поводам. Читает детям наизусть Пушкина, Тютчева, Некрасова, Баратынского, Блока, Шевченко, Байрона, Лермонтова, Фета... Потом он назовет эти чтения «стиховым воспитанием».

Из домашних игр и органической неприязни к авторицам журнала «Задушевное слово» и сочинениям Лидии Чарской возникнут его знаменитые веселые книжки «Тараканище», «Крокодил», «Мойдодыр», «Бармалей», «Телефон», «Федорино горе»... Принцип прост: «Скажи ребенку, что на дереве растут башмаки, — он поверит и даже не удивится».

Одного не терпел Корней Иванович — безделья детей. Особенно это касалось занятий английским языком. За невыученные слова он отправлял Колю в чулан, а Лиде кричал: «Убирайся! Только бы лентяйничать... Я сегодня с пяти часов утра сижу за столом!» Выбирал для перевода самое трудное. Например, предлагал такую околесицу: «Пестрая бабочка, вылупившись из куриного яйца, угодила прямо в тарелку старому холостяку». Мог ли он предположить, что «томный бездельник» Коля станет переводчиком «Принца и нищего» и «Янки при дворе короля Артура» М. Твена, «Острова сокровищ» и «Черной стрелы» Стивенсона, «Рассказов о животных» Э. Сетон-Томпсона? Но как он оберегал сына, когда тот прыгал на берегу с камня на камень, размахивая палкой-«саблей», и кричал: «И вот они вылетели из густых зарослей. Бах, бах — раздались выстрелы!» Всякое вмешательство домочадцев жестко пресекалось: «Не ходите на берег! Там Коля мечтает!»

Не из этих ли «мечтаний» на берегу Финского залива и увлечений географическими картами, которые застилали весь дом, появятся книги для подростков, написанные Николаем Чуковским: «Капитан Джеймс Кук», «Повесть о плавании и смерти капитана Лаперуза», «Путешествие капитана Крузенштерна»?

Интересно, что знакомство Корнея Чуковского с Горьким связано с обоюдным беспокойством по поводу состояния детской литературы. Они встретились в вагоне поезда, в котором Горький ехал к Репину в Куоккалу. Завязался разговор, и Чуковский получил предложение подготовить план издания лучших книг для детей.

Осенью 1918 года Горький основал в Петрограде издательство «Всемирная литература» и пригласил Корнея Ивановича как специалиста по англо-американской литературе. Желающих переводить была тьма: «бывшие князья и княгини, бывшие фрейлины, лицеисты, камергеры, сенаторы».

Чуковский открыл студию перевода и написал брошюру «Принципы художественного перевода». Гумилев организовал поэтический семинар, и его слушателем стал Коля Чуковский, ученик Тенишевского училища. В дневнике отца появится вполне родительская запись: «Стихи он пишет совсем недурные — дюжинами! Но какой невозможный: забывает потушить электричество, треплет книги, портит, теряет вещи».

А Коля переполнен стихами. Его кумир — Гумилев. Стихотворение «Заблудившийся трамвай» он читает громко, во весь голос. Корнею Ивановичу же стихи Гумилева не нравятся, он называет их «стекляшками».

В 1919 году уже сам Корней Иванович привлечет Горького к созданию пристанища для петроградской бедствующей художественной интеллигенции — Дома искусств. Имя знаменитого писателя послужит щитом в

хлопотах Чуковского, организатора и ходока по инстанциям. В дневнике осталась запись: «Выпросил десять тысяч — и в Комитет просвещения... Оставил валенки — и с Оцупом и Слонимским — к Тойво... Так и пробежал весь день, и вечером лег голодный. Утром вновь побежал на заседание и сокрушался: Горький забыл о нем и не пришел».

Не было Горького и на открытии ДИСКa 19 ноября 1919 года. Заболел.

Чуковский начал просветительскую деятельность с продления жизни «Литературной студии», полагая, что жильцам ДИСКa прежде всего нужно общение, публичные чтения своих неизданных работ в ситуации мертвых типографий и полной пропажи бумаги.

Осенью 1919 года на город наступала армия Юденича, месяц назад ее полки стояли у Пулковских высот. А в ДИСКе начиналась своя жизнь...

Чуковский читал «Историю современной английской литературы» и вел семинар «Критика». К нему записались будущие серапионы — Зощенко, Лунц, Слонимский, Полонская, Познер, Тихонов. Николай Чуковский выбрал семинар Гумилева «Теория поэзии. Практические занятия по поэтике».

Начинающие литераторы торопились овладеть мастерством, кочевали по семинарам, меняли учителей и жанры литературы. Лев Лунц сбежал от Чуковского к парадоксалисту Шкловскому и оставил в «Чукоккале», домашнем журнале Корнея Ивановича, такой повинный стишок:

Жил да был крокодил,
Он по Студии ходил.
По-чуковски говорил.
Шкловистов учил
И меня в том числе очукоковил!

*Иуда-шкловитянин
Лев Лунц*

Зимой 1921 года образовалось сообщество молодых литераторов «Серапионовы братья». Некоторых Чуковский знал давно, других — недавно, по семинару «Критика». Когда он прочитал реферат Зощенко о Блоке (по другим сведениям — о Надсоне), сказал автору: «Это невозможно! Этак вы уморите своих читателей! Пишите юмористические произведения!»

Чуковский присутствовал на встрече серапионов с Горьким в его квартире на Кронверкском проспекте и оставил в дневнике колоритную запись:

«3 июня 1921 года. У Горького. [...] В столовой собрались: Шкловский (босиком), Лева Лунц (с бритой головой), франтоватый Никитин, Констан-

тин Федин, Миша Слонимский (в белых штанах и с открытым воротом), Коля [Чуковский] (в рубаше, демонстративно залатанной), Груздев (с тросточкой)».

В описании компании сквозят черты булгаковских персонажей, на самом деле это была обычная фронда молодых, настаивающих на своей независимости.

Имя сына в ряду серапионов не случайно. Он был в первом составе общества и получил кличку «Молодой Брат». Вырос Николай в литературной среде. В куоккальской даче отца и на знаменитых «средах» у Репина в «Пенатах» видел Леонида Андреева, Короленко, художников Юрия Анненкова и Валентина Серова, Федора Шаляпина, Бакста и Бориса Григорьева. Одно лето у Чуковских жил Маяковский. Сочинял поэму «Облако в штанах». По воскресеньям к нему съезжались эксцентричные футуристы Каменский, Крученых, Хлебников. На лодке по морю приплывал спорщик и скандалист Виктор Шкловский. Репинские гости частенько перемещались на дачу Чуковского. Там обсуждали общественные события, новые книги, картины, спектакли, журналистику. Репин читал свои воспоминания, Чуковский представлял гостям своего «Крокодила».

Недаром Репин напишет Корнею Ивановичу уже в 1923 году: «С грустью посмотрел на потемневший дом Ваш и на заросшую дорожку и двор, вспоминал, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы. [...] Какое остервенелое разрушение... К чему?». Разграбили библиотеку, листы бесценного архива затоптали сапогами.

Николай поступил на филологический факультет петроградского университета, но проучился недолго. Слушал лекции выдающихся деятелей культуры в Институте истории искусств (б. Зубовский институт на Исаакиевской площади, д. 5), но своим призванием считал поэзию. Дружба с серапионами только укрепила его взгляды. В сообществе его считали своим, ценили остроумные стихи и пародии, обличавшие литературные нравы, которые он писал вместе с гимназическим товарищем Вовой Познером. Его слушал Гумилев и подарил сборник «Жемчуга». «С такой, — рассказывал Николай, — ласково-насмешливой надписью: "Коле Чуковскому, моему собрату по перу. 18 ноября 1918 года"».

Нравилась стихи и Владиславу Ходасевичу, по его рекомендации Горький напечатал в журнале «Беседа» поэму «Козленок». Свои публикации стихов в газете «Накануне», «Русском современнике», альманахе «Ушкунники», вместе с Тихоновым, Вагиновым и Берберовой, юный поэт подписывал псевдонимом «Николай Радищев».

Впрочем, был и другой отзыв — жесткий приговор Осипа Мандельштама, о котором Николай не захотел умолчать: «Каким гуттаперчевым голосом эти стихи не читай, они все равно плохие».

В 1928 году вышел первый и последний его сборник «Сквозь дикий рай». Дар поэта он реализовал в первоклассных переводах поэзии Эдгара По, Шиллера, Петефи, Тувима, Табидзе и др. (сб. «Время на крыльях летит...», 1967).

Всю жизнь отец и сын Чуковские писали друг другу письма, не меняя обращений: «Милый Коля» — «Милый папа». Двести тридцать семь посланий вместили четыре с лишним десятилетия. Первое «укоризненное письмо» (выражение Корнея Ивановича) послано семнадцатилетнему юноше с обвинениями в легкомыслии, выборе «ложного пути», «шалопайстве» «без систематической работы и любви к ней». Кончалось письмо родительским императивом:

«Предлагаю тебе одуматься. Даю тебе сроку до Петрова дня (то есть два дня до 12 июля 1921 г. — дня апостолов Петра и Павла — Т. Л.). После Петрова дня ты должен:

- 1) Серьезно заняться английским.
- 2) Наметить программу чтения.
- 3) Определить точно время занятий и отдыха.
- 4) Посвятить ежедневно не меньше двух часов на помощь семье, которая вся работает, кроме тебя».

Последнее письмо вдове сына Марине Чуковской помечено ноябрем 1965 года:

«Вот мы и осиротели. Для меня это так непривычно, так противоестественно, так странно, что кажется, будто небо надо мной стало другое... Как поразительно закручена его жизнь, сколько в ней было творческих радостей, сколько титанической работы — что наряду с болью есть какое-то восхищение, какая-то радость о гармоническом человеке...»

«Шалопай» и «гармонический человек» — в этом оценочном диапазоне судьбы двух дорогих друг другу людей, творчество, житейские проблемы. В переписке заметен элемент игры, инициатива принадлежит отцу. Опасаясь нравоучительства, он подписывает письма: то «Твой — понимаешь ли? — папа!», «Твой тато» (влияние Шевченко, которым он занят), то переходит на английский язык «Yours K. Ch.», «Peter», «Твой Uncle Tom`s» (редактор «Тома Сойера» в переводе сына), и — совсем неожиданно для домашних — «Король Лир». К тому же послал детям по две тысячи рублей. Николай откликается тотчас: «За деньги тебе, король Лир, спасибо. Когда ты в безумии, с выколотыми глазами, покинутый всеми, в бурю, будешь рвать свои седые волосы, именно я окажусь той дочерью, которая тебя пожалеет. Впрочем, все они так говорят».

Не все так однозначно с подписью «Пип», которая сохраняется продолжительное время. Случайно к Корнею Ивановичу попала рукопись книги для детей, в которой главной героиней была храбрая синица по имени

Пип. Книжка так понравилась, что он хотел рекомендовать ее к изданию. А сам стал подписываться — «Пип», «Ваш Пип», «Твой Пип». Лидия поддерживала игру и обращалась к отцу: «Дорогой Пип!»

Что могло привлечь Чуковского в этом образе? Скорее всего, переключка с мудрой русской поговоркой «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», приобретающей с началом тридцатых годов особый смысл.

Его «синица» — в крепких, заслуженных руках. Выходят работы о Некрасове, книга «Люди и книги 60-х годов», его приглашают с докладом на Первый съезд советских писателей, наконец закончилась вакханалия цензурных запретов на книжки для детей, начатая статьей Н. К. Крупской в «Правде» (1928), когда он был вынужден отказаться от своих сказок и обещать книгу «Веселая Колхозия». Его ждет мировое признание в Оксфорде и Ленинская премия на родине.

Иное положение у сына. В 1937 году в Ленинграде прошла волна политических арестов в кругу писателей. Репрессированы Борис Корнилов, Николай Заболоцкий, Николай Олейников, многие друзья Николая Чуковского. Сам он числится в списках «неустановленных», на допросах фамилии Чуковского, Тихонова и Зощенко фигурируют как «организаторы троцкистского антисоветского подполья». Сегодня следственные дела опубликованы.

Судьба охранила Николая Чуковского, он не был арестован. Но стал заложником времени. Нельзя не заметить, что три его предвоенных романа: «Слава» — о Кронштадтском восстании, «Княжий угол» — о мятеже в Тамбове, «Ярославль» — о восстании в июле 1918 года — посвящены борьбе с контрреволюцией.

Корней Иванович тревожится и спешит сообщить сыну об успехе у делегатов XVIII партийного съезда в Москве: «На прилавке груди «Ярославлей». Делегаты раскупают их с жадностью. [...] Сейчас в Москве эта книжка у всех на руках». Отцу кажется, что сам этот факт свидетельствует о благонадежности автора.

Зимой 1939 года Николай Чуковский участвует в финской кампании. Служит корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот». Он остался в блокадном Ленинграде, служил в подразделении военно-морской авиации. Современники запомнили его в морской шинели, работающего в обстановке близкого фронта над статьями для газет «Красный флот» и «Правда». Морские летчики — герои его военных повестей «Девять братьев» и «Талисман», ставших прологом к главной книге — роману «Балтийское небо» (1954), получившему широкое признание читателей за безбоязненную правду в изображении трагедии осажденного города. В 1961 году Владимир Венгеров снял фильм «Балтийское небо», он сохраняется на экранах до сих пор.

Чуковские, отец и сын, принадлежали по менталитету к началу XX века. Серапион Вениамин Каверин сказал о Николае после его ухода: «Он был писателем тридцатых, сороковых, пятидесятих годов, но человек он был годов двадцатых». Неудивительно, что они оба совпали в желании рассказать о людях своего времени.

Корней Иванович пишет художественные портреты Чехова, Куприна, Гарина, Леонида Андреева, Блока, Горького, Маяковского, Саши Черного, Тынянова («Современники», 1962). Николай Чуковский приступает к воспоминаниям в конце пятидесятих, во время короткой «оттепели». Пишет «в стол», не надеясь на публикацию. Оттого свободен от цензурных запретов на целый ряд писательских имен, и прежде всего — неупоминаемого Николая Гумилева.

Сегодня эти произведения изданы и дополнены перепиской с отцом (Н. Чуковский. «О том, что я видел». Молодая гвардия, 2005 г.).

Талантливая память автора дарит нам живые образы писателей двадцатых годов — Маяковского, Гумилева, Ходасевича, Волошина, Мандельштама, Шварца, Заболоцкого, Тынянова. Но первое место отдано ДИСКУ, «Литературной студии», «Серапионовым братьям», друзьям Льву Лунцу, Владимиру Познеру, Елизавете Полонской, Михаилу Зощенко, Михаилу Слонимскому, Николаю Тихонову, Вениамину Каверину, учителям Николаю Гумилеву и Виктору Шкловскому. Книга полна неизвестными, поразительными подробностями, которые наблюдал автор своими глазами.

Один только пример. Коля Чуковский заболел скарлатиной, и его поселили в «папином кабинете» ДИСКА.

«Блок пришел и, кажется, удивился, увидев меня. Спросил, будет ли здесь Корней Иванович. Негромкий, словно затрудненный голос его звучал глухо. Я, заранее предупрежденный, сказал ему, что отец просит подождать. Блок сел на кровать, у моих ног, опустил голову и не сказал больше ни слова. Так прошло, по крайней мере, минут сорок, темно. Я смотрел на него сбоку. От благоговения и робости я не осмеливался заговорить, не осмеливался двинуться. Сгорбленный, с неподвижным большим лицом, печально опущенным, он был похож на огромную птицу. Не знаю, думал или дремал. Отец и Горький очень запоздали, но наконец пришли оба».

Январь 1921 года. Блоку оставалось жить до августа. Таких подробностей подлинной, чаще всего неизвестной жизни, в воспоминаниях много.

В одном из писем Корней Иванович писал сыну: «Все же я должен сказать, что работа у нас с тобой хорошая. Чудесное дело — литература. Сидел бы целый день, не отрываясь, только бы года на два хватило здоровья».

Николай Чуковский умер в 1965 году внезапно, во сне. Через четыре года, в 1969 г., от нелепого гепатита скончался Корней Иванович Чуковский. Свой XX век они оставили в книгах.